

Из переписки Петра Павленко

К 80-летию со дня рождения

Писателей, пришедших в литературу из гущи гражданской войны, — а к ним принадлежал и Петр Андреевич Павленко (1899—1951), — никогда не покидало чувство ответственности за судьбу советской литературы в целом. Пишет ли он начинающему литератору или маститому писателю, обращается ли к друзьям по вопросам редакционно-издательской деятельности — в его письмах отчетливо проступает забота о развитии многонациональной советской литературы.

Письма Павленко позволяют судить о том, каким многосторонним человеком был их автор, как широки были его устремления и круг волнующих проблем, как неистощима была его жизнедеятельность писателя-коммуниста и антивоенного борца за мир.

П. А. Павленко прожил короткую, но яркую жизнь. Он рано стал одним из видных организаторов советской литературы. Ему было у него поучиться размаху и орга-

низаторской хватке, вниманию к молодым: он прошел школу А. М. Горького. А тот ценил в Павленко его высокую культуру, остроту его иронического ума, большой такт общественного деятеля.

Герои произведений П. А. Павленко (романов «Баррикады», «На Востоке», «Счастье» и «Труженики мира», повестей «Пустыня», «Степное солнце» и др.) — люди новой формации, устремленные в будущее, первооткрыватели и создатели новой жизни на земле. Таким борцом-созидателем, участником борьбы за мир был и сам писатель П. А. Павленко.

Публикуемые «Литературной Россией» письма П. А. Павленко отражают основные этапы его многосторонней творческой деятельности — редактора журнала «30 дней», альманаха «Год XVIII», члена президиума правления СП СССР, члена редколлегии журнала «Знамя» и редактора альманаха «Крым».

ПЕРЦОВУ В. О.

Уважаемый товарищ Перцов!

Не хотите ли написать для альманаха «Год XVIII» о литературных итогах 34 и 35 годов? Об основных художественных темах этих лет. О новых именах, вошедших в литературу, о новых героях.

Хотелось бы статью острую, смелую, энергичную. Я забочусь об этой статье заранее, чтобы успеть получить ее для первого номера будущего года...

Быть может, Вы подумаете о такой статье для альманаха, если же нет желания делать ее, дадите передовую для альманаха на параллельную тему. Иногда не хочется дискутировать единолично. Иногда хочется говорить не от своего имени, а от имени коллектива. Мы вводим в ближайших номерах такие передовицы (не подписные), которые могут являться мнением альманаха в целом. Любая острая деловая тема искусства интересует нас.

Пожалуйста, подумайте об этом и разрешите Вам позвонить на днях.

С товарищеским приветом

П. ПАВЛЕНКО

ТИХОНОВУ Н. С.

23 апреля 1935 года
(штемпель)

Дорогой Николай!

Да благословит аллах твоё молчание! Не сел ли часом за новую книгу? Это было бы самое остроумное, что ты мог бы сделать. Пятый месяц года, а на рынке ни одной стоящей книги, кроме «Товарищей» Всеволода Лебедева. Знаешь ли эту книжку и как она тебе кажется? Я все собираюсь к тебе в гости, все хочу почитать тебе свою книжку (первый раз пишу в 10 листов), но грехи не пускают. Боюсь еще читать. Но вот уже приеду, приеду, стану на лобное место, казните меня; бейте, уродуйте...

Сейчас маюсь с дагестанским сборником... Как вылезу из этой безумной затеи... — не знаю и думать боюсь.

Ох, кончить бы книгу!

В этом году юбилей Туркмени. Зовут приехать. Как ты взглянул бы на это?.. Поехать в качестве гостей, а?

По тебе, старик, страшно соскучился. Я завожу у себя вскорости аппарат записи речи — буду говорить сам себе и сам себя потом слушать. Запишу, кстати, и твой дьявольский смех и буду иногда заводить его в минуты уныния.

Много хочется сказать тебе, что накопилось в процессе писания, но боюсь, ты занят и не до этого тебе.

Как нужно писать просто, сжато, сухо!

Да, тема простоты меня волнует. Словотворчество — боковая дорога. Метафора — необходимость. Чем реже, тем лучше. Идеал хорошей книги быть похожей на дневник, на мемуары, на хронику. Метафора должна применяться гомеопатически, кое-где, слегка. Язык простой, почти разговорный. Вот что мне хочется делать и чего, по-видимому, никогда не добьюсь.

Ну, целую и жму тебя, почтенного дьявола.

Твой П. П.

ШКАПСКОЙ М. М.¹

1935

Дорогая Мария Михайловна!

Я так долго держал у себя Вашу рукопись, что Вы уже, должно быть, забыли, что она у меня. Читал с завистью к В(ашему) языку, к В(ашему) умению рисовать речью. Это очень здорово и, наверное, будет всячески использовано чтецами. Однако не все новеллы равноценны. Понравилась: «Американец», «Монте Кристо», «Красный Дьявол», «Тебе ж плавать», «Секрет старого мастера».

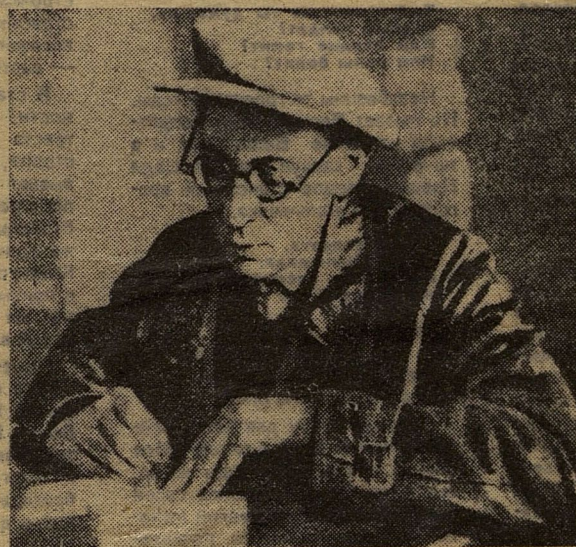
Не понравились: «Стрелка», «Моя Москва ходит», «Тайна».

Иной раз думаю — не много ли техники в книге, технологии? Мне-то это нравится и сделано очень хорошо, да боюсь за читателя. Не отпугнуло бы это его!

Ну, жаль, что мало географии и пейзажа, пейзажа широкого и обобщающего. Идут новеллки, а где дело происходит — неизвестно. А у Вас от новеллы до новеллы — иной раз сотни километров, и это хотелось бы знать. Эпиграфы в своем большинстве хороши, но лучше дайте свои и не ограничивайтесь афоризмом. Затем, еще одно соображение: однообразие метода. Разговорность — на всем протяжении книги. Описаний, повествования нет. Может, склонить спокойно повествовательные главки?

Но все это заботы и мысли об украшении книги. А так очень здорово, и я не могу понять, когда вы это успели. Если бы книгу иллюстрировать — иллюстрации играли бы роль пауз — и было бы хорошо.

Крепко жму Вашу руку.

Петр ПАВЛЕНКО в 1936 году.

Не браните, что коротко. Но всерьез и придаться не к чему.

П. ПАВЛЕНКО

¹ Шапская (урожденная Андреевская) Мария Михайловна (1891—1952) — русская советская писательница; много писала о Дальнем Востоке, о котором начал свой роман П. А. Павленко, в одно время со Шапской побывавший на Дальнем Востоке.

КОЗЛОВУ И. А.

Лето 1945 года

Дорогой Иван Андреевич!

Ваше письмо я получил довольно давно, но отвечаю на него с непозволительным и неприличным опозданием, благодаря целому ряду приходящих обстоятельств.

1. Я вернулся с 3-го Украинского фронта, где пробыл около 3 месяцев, с открытым туберкулезным процессом правого легкого. Сразу началось хождение по мукам — комиссии, обследования, рентген и т. д., затем меня положили в клинику, откуда я и пишу.

Одновременно — смерть Константина Андреевича, болезнь Ларисы Ивановны.

С осени я рассчитываю перебраться в Крым на постоянное жительство, чтобы там жить и писать, так что весь буду к В(ашим) услугам. Всецело располагайте мною. Свой роман о Крыме я уже начал и пишу его, лежа в постели...

Итак, весь Ваш. Привет товарищам.

Ваш П. ПАВЛЕНКО

1950

Дорогой Иван Андреевич!

Год начинается с бурных темпов. Предстоящий съезд АКСМ требует ускорения Вашей повести. Было бы отлично, если бы сумели закончить ее в середине февраля. Поэтому у меня к Вам предложение — присылайте, что у Вас готово, как можно быстрее. Я, хоть и занят до черта, буду по 5—10 страничек в день редактировать и обобщивать. Посвящайте вещь съезду Комсомола! Обязательно! В этом посвящении не будет натяжки. Оно естественно и оправдано.

Игитить вперед! И быстрее!

В частности, с заглавием. «Борьба продолжается» как-то общо. Не придумать ли Вам что-нибудь другое, с именем Севастополя? «В городе героев»? Или «В подполье города героя», или «Севастопольцы». Такое заглавие придало бы книге свежесть.

«Подпольный Севастополь», может быть? Во всяком случае необходимо упомянуть Севастополь. «Борьба продолжается» — безлико, буднично.

Итак, шлите рукопись. Я ее пробегу, почеркаю, потом приеду к Вам, посидим над ней вместе.

Крепко Вас обнимаю. Привет всей династии Козловых. Да будет Новый год годом Вашего нового успеха.

Игитить вперед!

Ваш П. ПАВЛЕНКО

¹ Тренин Константин Андреевич (1876—1945) — русский советский писатель, драматург, отец жены П. А. Павленко — Н. К. Трениной; Лариса Ивановна — жена К. А. Тренина.

² Тяжело заболел Павленко в 1945 году по настоянию врачей поселился в Крыму и много помогал И. А. Козлову, редактируя его воспоминания «В крымском подполье», которые рекомендовал в журнал «Знамя», и книгу «В городе русской славы».

ВИШНЕВСКОМУ В. В.

Осень 1948 года

Дорогой Всеволод!

Что сказать о нашей редколлегии? Она узколитературна, замкнута. Я бы усилил ее... за счет работников науки... а если из писателей, то таких, которые думают над новыми жанрами (научный, научно-фантастический и т. п.). Военная тема день ото дня становится научнее. Нужно расширение тематики — научные статьи по биологии, физиологии, физике, международная тема, жизнь периферии...

Я бы расширил редакционный актив за счет художников, врачей, представителей техники, мысли, политиков.

И, конечно, в первую очередь тебе надо искать начштаба...

Нужен страстный, одержимый человек, с большим кругозором, соскучившийся без живого дела. Где он таится, я тоже не знаю, но такой есть. Безусловно.

К концу сентября вышло листа на 4 очерк «Коммунисты одного колхоза». Заказал тут очерк о совершенно необычайной научной конференции в районном селе.

Недели через 2—3 вышло на суд повесть молодого прозаика Дм. Холендро «Золотая балка».

Вообще мобилизую все внутренние ресурсы...

Работать журналу придется напряженно, но коллектив сильный, любит свой журнал и — вытащит дело из прорыва.

Жму руку.

Твой П. ПАВЛЕНКО

¹ Речь идет о редколлегии журнала «Знамя», с которым Павленко связывало многолетнее сотрудничество с 1947 года он был введен в редколлегию журнала.

ДМИТРИЕВОЙ Ц. Е.¹

8 января 1951 года

Милая Цецилия Ефимовна!

Езжу, охочусь за жизнью, подстрелил 3 рассказа, но пишу вяло, плохо — заматывают будни. Видно, в Крыму за- сиделся...

Роман² идет с запором. Его надо писать на миру, на торжке, при криках и шуме политической биржи, в Крыму для этой нечехоточной и боевой темы скучно...

Видел мельком книгу «Литературное Подмоскovie», изд. Госуд(арственным) изд(ательством) культпросвет, ред. Бонч-Бруевич. Пожалуйста, достаньте. «Литературное наследство» на днях верну. Большое спасибо. «Сторонников мира» давно не вижу.

Роман пишу с большими паузами — как-то тяжело он лезет — со скрипом...

Иногда я думаю, что своим романом взвалил на плечи тяжелое бремя, ношу не по силам, и желание бросить все к черту очень меня увлекает. Во всяком случае начинать новый роман — это все равно, что начинать жизнь с новой женой, и делать это лучше всего на новом месте, где ничего не напоминает молодой жене о старых женах ее супруга. В доме, где до сих пор пахнет «Счастьем» и «Степным солнцем», нелегко зародиться слабому аромату новой книги.

Для новой книги, как для нового увлечения, нужно новое свадебное путешествие, новый дом, новый стол, все девственностно. Поэтому меня безумно тянет в Москву, на новую квартиру. Но я бьюсь зимней Москвой... буду скучать о море.

Ах, писать роман надо иметь силу, время и охоту. Вероятно, у меня нет ни первого, ни второго, а одной охоты мало. Впрочем, все равно пишу. Привет всем. Вашим. Очень тронут, что под Новый год меня вспомнили Данины. Крепко жму руку.

П. ПАВЛЕНКО

16 февраля 1951 года

Дорогая Цецилия Ефимовна!

...Я до того дописался по ночам, что однажды едва не потерял сознание, и вот шестой день лежу, спазмы в сердце, головокружение и т. д. Стенокардия какая-то.

Правда, я зато чувствую, что у меня есть сердце и даже довольно шустрое.

А все проклятый роман! Он то стоит на одном месте, то рвется вперед — не догонишь, и часто кажется мне, что я взвалил на себя ношу превыше сил своих. Заканчиваю еще один рассказик. ну, этот — хорош ли, плох, а скоро будет готов...

Я собираюсь быть в Москве на сессии³, но не знаю, задержусь или нет, ибо будет подпирать меня Крымская областная конференция, а там еще звонок из Краснодарского крайкома, просят приехать. Нет времени, чтобы даже дышать.

Пишу за счет сна. Это утомительно, но держит на нужном взводе. Но если дальше так пойдет, то «Труженики мира»⁴ будут моим последним романом, а может, и не успею, черт его знает...

Спим с открытыми дверями. И вообще, жить бы да поживать, но Наташа погибла за своим переводом, а я — за романом. По моему, людям за сорок лет нужно запрещать писания категорически и без исключения.

В общем, напишите. Выяснилось, что без писем из Москвы жить очень невесело.

Привет дому.

П. ПАВЛЕНКО

¹ Дмитриева Ц. Е. — сотрудник редакции журнала «Знамя», в ту пору составитель собрания сочинений П. А. Павленко.

² Речь идет о романе «Труженики мира».

³ В 1950 году П. А. Павленко был избран депутатом Верховного Совета СССР.

⁴ Роман «Труженики мира» остался незавершенным. Его первая книга была опубликована в журнале «Знамя» посмертно в 1952 году с предисловием Н. С. Тихонова.

Публикация
Ц. Е. ДМИТРИЕВОЙ и Н. К. ТРЕНЕВОЙ